

Вспомогательные ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

СОЛДАТСКИЕ ПИСЬМА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА О СОЮЗЕ РАБОЧЕГО КЛАССА С КРЕСТЬЯНСТВОМ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА)

Ю. И. КИРЬЯНОВ

Одним из важнейших этапов упрочения союза рабочего класса и крестьянства являлся период первой мировой войны. Изучение проблемы о союзе рабочих и крестьян в годы войны непосредственно связано с исследованием настроений солдатских масс.

Слабая разработка вопроса о союзе крестьян, одетых в солдатские шинели, с рабочим классом, объясняется в определенной мере недостаточной изученностью имеющих в нашем распоряжении источников и, в частности, солдатских писем, которые, наряду с военно-судными и полицейскими документами, воспоминаниями и т. п. дают богатый материал для показа процесса революционизирования армии в годы войны. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал значение писем и, в частности, писем солдат для изучения настроений масс. В августе 1916 г., обращаясь к Г. Л. Шкловскому, В. И. Ленин писал: «Пожалуйста, присылайте нам, *по использованию*, письма пленных: надо же следить за настроениями, требованиями, мнениями и т. п.»¹.

Мы обращаемся к изучению писем солдат Юго-Западного фронта по следующим причинам: во-первых, настроения солдат этого фронта, являвшегося менее революционным, чем Северный и Западный, освещены в нашей литературе особенно слабо²,

во-вторых, именно по этому фронту перлюстрация солдатских писем военной цензурой велась по специальной программе, что облегчает выяснение целого ряда вопросов.

Солдатские письма в качестве исторического источника представляют для нас особую ценность еще и потому, что фонд солдатской мемуарной литературы о первой мировой войне (до Февральской революции) очень небольшой. Незначительно и количество судебных дел о революционных выступлениях солдатских масс. К тому же в связи с их отрывочностью и казенным характером по ним нельзя составить последовательного представления о революционизировании армии.

Письма солдат за годы первой мировой войны неоднократно уже привлекали внимание исследователей. В 20—30-х годах был осуществлен ряд интересных публикаций солдатских писем³. Однако в этих

М., 1935; М. И. Ахун и В. А. Петров. Царская армия в годы империалистической войны (1914—1916 гг.), М., 1929; С. Г. Капшук. Борьба большевистской партии за армию в период первой мировой войны (1914—март 1917 гг.), М., 1957; и др.

³ М. Ахун и В. Петров. Голоса из окопов (документы). «Красная летопись», 1928, № 1(25); И. Р. Гелис. Революционная пропаганда в армии в 1916—1917 гг. (документы), «Красный архив», 1926, т. 4, (XVII); О. Чаадаева. Солдатские письма в годы мировой войны (1915—1917 гг.) (документы). «Красный архив», 1934, т. 4—5 (65—66); Сб. «Царская армия в период мировой войны и Февральской революции», Казань, 1932; сб. «Солдатские письма 1917 г.», М.—Л., 1927.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 36, стр. 373.

² Специальных работ по революционизированию солдатских масс Юго-западного фронта нет. Это тема частично освещается лишь в ряде общих научно-популярных работ. См., например, О. Чаадаева. Армия накануне Февральской революции,

публикациях далеко не всегда указывалось место и время отправления корреспонденции. Между тем эти недостатки легко могли быть устранены, так как публиковавшиеся письма, как правило, извлекались из подекадных отчетов военных цензоров армий и округов.

Письма солдат военных лет представляют собой не совсем обычную корреспонденцию⁴. В случае обнаружения в них высказываний против войны, против существующих порядков и т. п., они задерживались и начиналось расследование. Письма нередко проверялись не только военными цензорами, но и непосредственными командирами. За выражение в них пожеланий мира солдаты наказывались. Вместе с этим необходимо отметить, что армия в своем большинстве состояла из малограмотных крестьян, для которых написать письмо было довольно трудным делом. В этой связи письма солдат, дышащие ненавистью к войне и правительству, необходимо рассматривать как один из наиболее ярких показателей революционизирования армии. Надо иметь в виду, что содержание значительной части писем не было отражено в цензорских отчетах в связи с тем, что просмотреть всю корреспонденцию было физически невозможно, и она проверялась выборочно (в пределах нескольких процентов от общего количества). «Крамольную» корреспонденцию солдаты нередко переправляли с оказией.

Мы прежде всего использовали те сообщения из солдатских писем, которые делались от первого лица. Достоверность приводимых в солдатских письмах фактов, когда авторы писем свидетелями их не были, мы, по возможности, подтверждали военно-судными делами. Кроме писем, приведенных в сводках военных цензоров и представляющих богатейший систематизированный материал за период с лета 1915 г. до Февральской революции, нами также использована крайне слабо исследованная корреспонденция из армии, перлюстрированная департаментом полиции и хранящаяся в Центральном государственном историческом архиве в Москве (ф. 109), а также письма солдат, отложившиеся в полицейских документах Государственного архива Днепропетровской области (ф. 2с).

* * *

С самого начала первой мировой войны, когда миллионы крестьян были призваны в армию, перед большевиками встала задача возглавить борьбу за упрочение союза солдатско-крестьянских масс с рабочим классом на основе разоблачения империалистического характера войны и призыва к революционному выходу из нее. Борьба против империалистической войны расширяла базу, на которой происходило укрепление этого союза. При этом необходимо

указать на те исходные позиции, с которых началось общее движение рабочих и крестьян за революционный выход из войны. Хотя буржуазии удалось, как указывал В. И. Ленин, повсюду, на время, захлестнуть пролетариат мутным потоком шовинизма⁵, все же «в общем и целом рабочий класс России оказался иммунизированным в отношении шовинизма»⁶. Иначе обстояло дело с крестьянством. В. И. Ленин, характеризуя отношение к войне различных классов Германии и России, писал: «Все буржуазное общество, все классы Германии вплоть до крестьянства стояли за войну (в России, по всей вероятности, *тоже* — по крайней мере большинство зажиточного и среднего крестьянства с очень значительной долей бедноты находилось, видимо, под обаянием буржуазного империализма)»⁷.

Огромные трудности встали перед большевиками в связи с военной обстановкой, разгромом накануне и в начале войны значительного числа большевистских организаций. Но несмотря на это, в армии велась революционная агитация и пропаганда, о чем свидетельствует, в частности, дошедшая до нас корреспонденция военных лет.

В то время как официальные сводки, в которых специально должно было сообщаться о случаях распространения среди войск прокламаций, пестрели на протяжении всей войны словами «не было»⁸, из писем мы узнаем, что среди солдат распространялось немало прокламаций. В письме из Харьковской губернии от 17 января 1916 г. на имя Н. А. Маклакова говорилось: «В особенности нервируют деревню рассказы приходящих на побывку солдат, у большинства которых имеется масса прокламаций...»⁹. Появление в одном из писем, перлюстрированном в начале января 1916 г. цензурой IX армии, лозунга «Долой войну» можно поставить в прямую связь с распространением в этой армии прокламаций¹⁰. Специально обращенная к солдатам прокламация екатеринославских большевиков в декабре 1916 г. была получена вольноопределяющимся одной из частей гарнизона Екатеринослава с целью ее «распространения среди нижних чинов»¹¹. Немаловажную роль в распространении антивоенной пропаганды сыграли поездки рабочих в армию во время рождественских и пасхальных праздников 1916 г., что также нашло свое отражение в корреспонденции с фронта.

Как отмечалось в отчете военного цензора Киевского округа, приезжавшие в армию с рождественскими подарками пред-

⁵ См. В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 380.

⁶ Там же, стр. 289.

⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 303.

⁸ ЦГВИА, ф. 2139, оп. 2, дд. 265, 267, 281.

⁹ ЦГИАМ, ф. ДП, перлюстрация, 1916, д. 593, л. 119.

¹⁰ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1486, л. 41.

¹¹ ЦГИАМ, ДП, ОО, 1916, д. 5, ч. 22, оп. 17, л. 280б.

⁴ Характеристику солдатских писем как источника см. в предисловиях к публикациям О. Н. Чадаевой, а также М. Ахуна и В. Петрова.

ставители рабочих «своими речами внесли в душу солдат апатию и недоверие»¹².

Вместе с этим, военная цензура еще в январе 1916 г. указывала на «вред» обсуждений вопросов о мире в газетах. Стремление военного начальства не допустить чтения солдатами даже буржуазных газет вызывало у них подозрение относительно того, что в тылу стало еще хуже, что от армии что-то скрывают, и это волновало солдат еще больше¹³.

Расширение в 1916 г. и начале 1917 г. большевистской агитации в значительной мере содействовало революционизированию солдатских масс и в конечном счете — быстрому переходу в марте 1917 г. армий Юго-Западного фронта на сторону революции.

Солдатские письма не только пополняют наши сведения о большевистской пропаганде в армии, но и позволяют проследить, как в ходе войны изменялось сознание солдатских масс.

Уже первые крупные военные неудачи летом 1915 г. содействовали созданию определенного перелома в настроениях армии. Солдатские массы начинают поиски причин поражений русских войск. И первое, что было совершенно очевидно даже для самых неразвитых солдат — это нехватка вооружения, а в связи с этим и напрасные человеческие жертвы. В одном из солдатских писем в этой связи сообщалось: «У нас войска почти половина без винтовок. Он нас гонит как скот, у нас снарядов совсем нету. Мы отступали трое суток без перерыва и совсем голодные»¹⁴.

Военные цензоры XI армии констатировали, что за период с 7 по 15 июня 1915 г. в 22 корпусе, например, 12% от общего количества писем «содержали жалобы на то, что людей будто бы послали на убой», что снарядов нет, патронов не хватает. Эта же цензура отмечала, что стремление солдат к миру было весьма велико. «В корпусных районах мирные тенденции высказываются в 30% писем, а в тыловом районе в 60%»¹⁵. Как отмечал В. И. Ленин летом 1915 г., «настроение масс в пользу мира часто выражает начало протеста, возмущения и сознания реакционности войны»¹⁶.

Сильное недовольство солдат вызывали также факты предательства и продажности командного состава. На почве недовольства войной уже весной 1915 г. на фронте имели место случаи временного прекращения военных действий и даже братания. Прав-

да, это происходило, как правило, в дни религиозных праздников и характера ярко выраженного протеста против войны вообще в это время еще не носило. Так, на ряде участков Юго-западного фронта в первый же день пасхи в 1915 г. русские и австрийские солдаты, прекратив перестрелку и выйдя из окопов, стали поздравлять друг друга с праздником, обмениваться угощениями и газетами¹⁷. К концу 1915 г. имели место случаи братания уже не только в дни религиозных праздников¹⁸.

Летом 1915 г. в период отступления русских армий из Галиции все увеличивается число случаев бегства из армии, носивших характер протеста против войны. Так, например, в одном письме из Киева в октябре 1915 г. сообщалось: «Солдаты пользуются всяким удобным случаем улизнуть. В том вагоне, в котором я был, больше половины ехали без увольнительных билетов и только слышали, что «довольно, повоевали и будет»»¹⁹.

Осенью 1915 г. участились случаи отказа солдат идти в наступление. Целые полки начинают оставлять позиции во время атаки или в период ее артиллерийской подготовки²⁰. Однако необходимо отметить, что основная масса солдат в это время все еще надеялась на скорое заключение мира правительством.

С зимы 1915—16 гг. стремление к миру среди солдатских масс усиливается. Однако различные условия, в которых находились войска Юго-западного фронта, приводили к разной степени охвата мирными настроениями солдат отдельных армий и округов. В конце декабря 1915 г. — начале января 1916 г. на Юго-западном фронте было предпринято частичное наступление. Некоторые успехи армии, улучшившаяся оснащенность вооружением, хорошая работа артиллерии в прошедших боях способствовали тому, что высказывания солдат за мир делаются более сдержанно. По данным военной цензуры Одесского округа, число солдатских писем, отправленных из тыловых частей округа, авторы которых желали скорейшего окончания войны, составляло в начале февраля несколько менее 50%, в конце этого же месяца около 25%, а в последней трети марта 15%²¹.

¹⁷ Я. Темкин. Большевики в борьбе за демократический мир (1914—1918 гг.), М., 1957, стр. 173.

¹⁸ О. Чаадаева. Указ. соч., стр. 45; С. Г. Капшук. Указ. соч., стр. 79.

¹⁹ ЦГИАМ, Д. П., перлюстрация, оп. 170, 1915, д. 572, л. 1757. В этом же письме рассказывалось о том, что в Киеве среди сознательных рабочих шла борьба по вопросу об отношении к войне и к таким организациям, возникшим в годы войны, как Военно-промышленный комитет.

²⁰ О. Чаадаева. Указ. соч., стр. 63, а также ЦГВИА, ф. 2067, 1916, оп. 1, д. 2932, л. 25 (Киевск. окр., 20—30.XI.1915 г.)

²¹ ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, 1916, д. 2932, лл. 111 и 336; д. 2933, л. 196 (Одесский округ, соответственно за 1—10.II, за 20—30.II и за 20—30.III.1916 г.)

¹² ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1486, л. 47 (сводка цензорских отчетов по Юго-западному фронту за 1—10.I.1916 г.).

¹³ См. ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, 1916, д. 2935, л. 477, (XI арм., 1—10.IX. 1916 г.); л. 463 (XI арм., 20—30.VIII.1916 г.).

¹⁴ ЦГВИА, ф. 2067с, д. 68, л. 100б. (письмо от 18 июля 1915 г., из Холмской в Екатеринославскую губернию). См. также «Красный архив», 1934, т. 4—5 (65—66), стр. 125—126.

¹⁵ ЦГВИА, ф. 2148, оп. 1, д. 932, 1915, л. 1.

¹⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 286.

В солдатских письмах непосредственно из фронтовых частей внешне стремление к миру проявлялось еще более сдержанно. Так например, цензурой VII армии количество писем с пожеланием скорейшего мира в первую декаду февраля исчислялось примерно в 10%²². Это объясняется боязнью солдат фронтовых частей искренне писать о своих настроениях и думах. Однако уже в апреле 1916 г. цензура отмечала, что «писем с пожеланием мира стало встречаться даже несколько больше, чем прежде», что «в письмах усиливается уклонение в сторону мирных тенденций», что «слово мир начинает склоняться во всех падежах»²³. Бездействие войск на фронте «порождает разные толки». «По мнению некоторых,— говорилось в цензорском отчете по VIII армии за первую декаду мая,— близится время переговоров о мире, на этой почве возникла даже легенда. Так, цензор 8 корпуса приводит выдержку с совершенно невероятными сведениями, передаваемыми одним нижним чином другому, о том, что командир их полка получил телеграмму о двухмесячном перемирии и, что об этой телеграмме взводный сообщил своему взводу..., появление в газетах рубрик «Толки о мире» оказало непосредственное влияние на то, что в армии все чаще и чаще стали задумываться над этим вопросом»²⁴. В цензорском отчете по той же армии за вторую декаду мая 1916 г. прямо говорилось: «Разница в настроениях и стремлениях армии и тыла ясна, хотя, пожалуй, мысль о мире и там и здесь созрела в одинаковой степени, но в армии лозунг таков: «Сперва победа, потом мир», а в тылу (конечно, не всюду) лозунг проще: мир во что бы то ни стало, какой угодно ценой»²⁵. Этот отчет замечателен тем, что в нем, хотя и очень осторожно, признается одинаковая степень стремления к миру как в тылу, так и на фронте, но пути его достижения в армии и в тылу представляются пока еще различно. При этом, однако, надо учитывать, что если над солдатами на фронте в силу военной дисциплины продолжал тяготеть новгородный приказ царя «Сперва победа, потом мир», то в тылу этот приказ в гораздо меньшей степени ограничивал население в выражении истинных желаний.

Начиная с весны 1916 г., значительно усиливается братание на фронте. Перемирие, устроенное солдатами весной 1916 г. во время пасхальных дней, приняло небывалые размеры. В отчете военных цензоров XI армии за 20—30 апреля 1916 г. отмечалось что «в письмах масса сообщений о повсеместном христосовании наших солдат с

австрийцами»²⁶. «Нежелательными последствиями дружеских общений в дни праздников русских солдат с неприятельскими явились разговоры на тему «зачем воевать нам, братья» и тому подобное своего рода дружелюбие к неприятелю, возможные перебежки»²⁷. Мирные взаимоотношения русских с немецкими и австрийскими солдатами во время пасхи оставили глубокий след в сознании солдат: и после этого имели место попытки общения с «неприятелем»²⁸.

Наступление Юго-западного фронта, начавшееся в двадцатых числах мая 1916 г., усилило у солдат надежду на скорое окончание войны. В июле многие солдаты писали домой, что если успехи русской армии будут и дальше развиваться такими же темпами, то к предстоящей зиме или даже к осени война будет закончена. Но приостановка наступления армий Юго-западного фронта, естественно, разрушила иллюзии тех, кто ожидал скорого разгрома врага и окончания войны осенью, приводя их к убеждению, что война, по всей вероятности, продлится еще год или более и им «придется еще долго мучиться и страдать»²⁹. Солдаты начинают яснее сознавать, что война носит истребительный характер, что это бойня, на которую гонят бедняков, в то время как богатеи под всяческими предлогами увиливают от участия в войне. В одном из солдатских писем с фронта в деревню Екатеринославской губернии сообщалось: «У кого карман здоров... тот идет домой на три месяца на поправку, а как у нас карман пуст, и раздробленны кости хрустят, то мы годны на позицию...»³⁰.

Если ранее выражение сильного стремления к скорейшему окончанию войны в солдатских письмах отмечалось цензорами лишь Одесского и Киевского военных округов, то в конце ноября 1916 г. на это указывают и цензоры отдельных армий Юго-западного фронта, как например, XI армии, а цензорами Одесского округа впервые отмечено в это же время уже преобладание подобного рода корреспонденции: из 331 выписки из писем, характеризующей настроения солдат (всего было представлено 497 выписок) $\frac{2}{3}$ указывали на «подавленное» состояние корреспондентов и их желание скорейшего мира (в первой декаде октября 1916 г. таких писем было около 50%, а в последней трети сентября лишь 25%). Только одна треть писем отличалась, по выражению цензоров, «бодрым настроением». Хотя в письмах и этой части солдат говорилось о мире, но этими авторами мир по-прежнему не мыслился, якобы, без оконча-

²² ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, 1916, л. 2933, л. 11.

²³ Там же, л. 116 (VII арм., 1—10.IV. 1916 г.), л. 382 (VIII арм., 1—10.V.1916 г.); л. 470 (VIII арм., 10—20.V.1916 г.).

²⁴ Там же, л. 382 (VIII арм., 1—10.V. 1916 г.).

²⁵ Там же, л. 470 (VIII арм., 10—20.V. 1916 г.).

²⁶ ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, 1916, л. 2933, л. 339.

²⁷ Там же, л. 390 об. (XI арм., 1—10.V. 1916 г.).

²⁸ Там же, л. 383 (VIII арм., 1—10. V. 1916 г.).

²⁹ Там же, д. 2934, л. 374 (VII арм., 1—10. VII. 1916 г.).

³⁰ Там же, д. 2935, л. 407 (Одесск. окр., 20—30. VIII — 1916 г.).

тельной победы над врагом³¹. В декабре 1916 г. стремление к прекращению войны еще более усиливается. По Одесскому округу корреспонденция солдат, жаждавших скорейшего заключения мира составляла в общей массе солдатских писем уже 66%³². По данным цензоров VIII армии, а также генерал-губернаторства областей Австро-Венгрии, занятых во время войны, доля писем во второй половине декабря 1916 г.—первой половине января 1917 г., авторы которых желали прекращения бойни во что бы то ни стало, равнялась соответственно примерно 40% и 25%. Вместе с этим в последнем из вышеуказанных отчетов цензоров говорилось, что «...почти 99% новогодних поздравлений начинаются и заканчиваются искренними пожеланиями скорейшего конца великой боевой страды»³³. Об исключительной жажде мира в этот период говорят всевозможные предположения солдат о сроках одоления врага и создаваемые ими легенды о возможности скорого окончания войны в связи с наступлением Юго-Западного фронта и вступлением в войну Румынии³⁴. В декабре цензоры Особой армии, отмечая циркулирование множества слухов о скором заключении мира, впервые указывали на то, что «некоторые склонны думать, что мы не можем дальше вести войны из-за недостатка продуктов для армии»³⁵. Новая волна суждений о заключении скорого мира наблюдается в связи с нотой центральных держав, которые с целью облегчения своего положения сделали попытку заключить сепаратный мир с Россией и предложили ей немедленно начать переговоры. Отчеты цензоров были полны выдержек из писем, где слова: «мир», «переговоры» комбинировались на все лады. В некоторых солдатских письмах сообщалось о том, что переговоры о мире будто бы уже начались³⁶. Несмотря на усиление репрессий в армии по отношению к солдатам, высказывавшимся в пользу мира, в конце 1916 г. стремление к миру растет. Письма свидетельствуют о том, что к указанному времени передовая часть армии поднимается до понимания того, что война скоро не кончится, если са-

ми солдаты не вмешаются в решение этого вопроса. Так, в письме от 24 декабря в Красную Балку под Кривым Рогом, говорилось: «В газетах есть толки о мире, но это неправда. Россия велит продолжать войну до конца. Только тогда будет мир, когда герои бросят оружие, тогда они сами увидят, что нужно мирить»³⁷. В другом письме сообщалось о том, что солдаты нескольких полков уже «повтыкали штыки в землю». Эта корреспонденция заканчивалась словами: «Верно, и мы так скоро сделаем»³⁸. Однако авторы указанных писем не дошли еще до понимания необходимости повернуть оружие против зачинщиков войны.

Дальнейшим шагом в этом направлении было выражение солдатами надежд «на прекращение войны путем забастовок внутри России и т. д.»³⁹. Заметим кстати, что в первой половине 1916 г. имело место осуждение забастовочного движения со стороны некоторых солдат⁴⁰. Как конкретно представляли солдаты выход из войны, показывает следующее, относящееся к началу 1917 г., письмо из действующей армии: «А конца войны не ожидайте, еще не скоро будет конец. От солдат не ожидайте конца войны. Солдат держут так, что почти на десяток солдат начальства приходится по 7 человек. Страшная строгость. Полные карцера набиты нашим братом и тюрьмы. Больше расстреливают, все дело зависит от вас, углекопов, и от тех, которые делают стаканы (для снарядов.—Ю. К.)»⁴¹.

Под влиянием значительного роста революционного стачечного движения рабочих борьба солдат в конце 1916 г. против войны принимает более активный характер и широкий размах. В осенних отчетах цензоров появились сообщения о «неудовольствии раненых и частых между ними бунтах на станциях», а также о том, что повсеместные волнения и «военные бунты» в России сильно нервнируют армию⁴². 25 октября 1916 г.

³¹ ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, 1916, д. 2935, лл. 886—887 об. (Одесск. окр., 1—10. X. 1916 г.); д. 2937, л. 239об. (Одесск окр., 15.XI—15.XII—1916 г.).

³² Там же, ф. 2067/с, 1917, д. 97, лл. 2—2 об. (Одесск. окр., XII, 1916 г.).

³³ Там же, л. 258 (VIII арм., 15.I.—15.II. 1917 г.), лл. 224—227 (Военное генерал-губернаторство областей Австро-Венгрии, занятых по праву войны, за 15.XII.1916 г.,—15.I.1917 гг.).

³⁴ Там же, ф. 2067, оп. 1, 1916, д. 2935, л. 621 (IX арм., 10—20.IX.1916 г.), а также л. 796 (XI арм., 1—10.X.1916 г.).

³⁵ Там же, ф. 2067/с, 1917, д. 97, л. 197 (Особая арм., XII.1916 г.).

³⁶ Там же, ф. 2067, оп. 1, 1916, д. 2937, л. 376—376об. (VII арм., 15.XI—15.XII—1916 г.), л. 159—159 об. (VIII арм., XII—1916 г.,—15.I.1917 г.), д. 2987, лл. 376—376 об. (VII арм., 15.XI—15.XII.1916 г.).

³⁷ ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, 1917, д. 97, л. 84;

³⁸ «Красный архив». № 65—66, стр. 139 (Киевск. окр., 20.X—1.XI.1916 г.).

³⁹ ЦГВИА, ф. 2067/с, 1917, д. 97, л. 242 (Киевск. окр., 15. I—15. II—1917 г.).

⁴⁰ Там же, 1916, оп. 1, д. 2933, л. 142 (Киевск. окр.); д. 2934, л. 45 об., (Одесск. окр., 20—30.I.1916 г.).

⁴¹ ГАДО, ф. 2с., д. 3407, л. 49—49об. Фронт, к сожалению, неизвестен; письмо было направлено на шахту № 14 Новокатерининской копи, Юрьевского з-да, к шахтеру В. Г. Бойко, проживающему в д. Яшиковке. В этой связи интересно заметить, что в июле 1915 г. один из солдат, захваченных шовинистическим угаром, писал, объясняя причины неудач русских войск: «Вообще победа зависит от вас, приговорящих снаряды». См. «Красный архив», 1934, т. 4—5, стр. 125.

⁴² ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, 1916, д. 2937, л. 174—175 (Бердичевская п.-т. контора Киевск. губ., 1—15.XI.1916 г.), а также л. 398об.—399об. (Киевск. окр., 15.XI—15.XII—1916 г.).

несколько тысяч солдат, находившихся на распределительном пункте в Кременчуге, отказались ехать на фронт⁴³. О волнениях новобранцев говорилось также в отчете по XI армии за февраль и первую половину марта 1917 г.⁴⁴.

Несмотря на всевозможные меры, принимавшиеся командованием для искоренения братания, осенью 1916 г. солдаты отказываются воевать, чего ранее не наблюдалось. «Ежедневное это хождение,— говорилось о братании в одном из цензорских отчетов,— дошло до того, что солдаты стали открыто говорить: «Не станем стрелять и наступать». Несомненно, что немалую роль играют здесь также «всякого рода кризисы» в тылу, общая усталость, тяжесть боевой службы, неудачи в Румынии и даже, может быть, известного направления пропаганда»⁴⁵.

Осенью 1916 г., когда особой остроты достигает политическая борьба рабочего класса, случаи отказа солдат идти в наступление («забастовки солдат»), имевшие место и в начале 1916 г., принимают массовый характер. В отчетах военных цензоров за конец 1916 г. приводились следующие выдержки из солдатских писем: «Солдаты не хотят никак идти в наступление, так что много корпусов посменяли в тыл, которые не пошли в наступление, хотя эту зиму кончить войну». «Теперь наши войска бастуют, больше не будем наступать, довольно нашу кровь пить...». «Наш полк был в наступлении два раза, а третий раз не пошли в наступление, третий полк и шестой полк забастовали и не пошли наступать»⁴⁶.

Интересно, что в приводимых выше письмах с сообщениями о нежелании солдат идти в наступление форма их протеста определяется как забастовка,— наиболее характерная форма борьбы пролетариата, хотя основную массу армии составляли крестьяне. В отчете цензоров Киевского округа за вторую половину ноября — первую половину декабря 1916 г. отмечалось, что солдаты, особенно в частях 39 армейского корпуса, чуть ли не в один голос заявляют, что «пора бросить воевать, необходимо проложить дорогу мира на фронте». «Говорят, мир скоро будет,— писали солдаты,— но оно так и видно, что некуда дальше воевать — не хотят наступать... Мы не хотели идти»⁴⁷.

Изучение систематизированных сводок военных цензоров с приложенной к ним перлюстрированной корреспонденцией из армии дает ценный материал для выяснения по тогдашним письмам случаев революционных выступлений в армии. Это облегчает поиски военно-судных дел, в которых освещаются упоминаемые в солдатских письмах события. О волнении, например,

солдат Белгорайского полка исследователи первоначально узнали из публикации солдатских писем, и лишь через несколько лет были опубликованы военно-судные дела о волнении в этом полку. Волнения в Белгорайском полку представляют значительный интерес при изучении революционизирования армии.

17 ноября 1916 г. солдаты 1-й и 3-й рот 326 пехотного Белгорайского полка VIII армии Юго-западного фронта не пошли в наступление. В результате этого боевая задача по овладению укреплением противника на горе Прислип не была выполнена. 197 солдат этих рот были отданы под суд и обвинялись в том, что получив от ротных командиров приказ, «они, по предварительному между собой и с другими, следствием не обнаруженными, лицами соглашению, приказанию этого умышленно не исполнили и из окопов не вышли...»

Нежелание идти в атаку проявили и солдаты расположенного по соседству 328-го Новоузенского пехотного полка, откуда, видимому, исходила инициатива срыва наступления. На следствии белгорайцы говорили: «Новоузенцы нам передали, что будут в нас стрелять, если мы пойдем и т. п.»⁴⁸.

Письма солдат, в которых рассказывалось о волнениях в армии, в значительной мере дополняют наши представления о происшедших событиях, характеризуют их с точки зрения солдатских масс. В этом плане представляет интерес письмо одного из солдат Белгорайского полка, который следующим образом описал попытки командования подавить восстание в момент его возникновения: «Всех солдат хотели расстрелять, хотели было отобрать винтовки, бомбы и другое оружие, но солдаты не дали, забастовали и другие дивизии, так что некому и расстреливать, все бастуют». Интересно отметить, что в солдатских письмах это волнение характеризовалось как забастовка⁴⁹.

Осенью 1916 г. отказались идти в наступление солдаты 2-й Сибирской дивизии (под Барановичами), и 500 пехотного полка⁵⁰.

Таким образом, анализ солдатских писем показывает, что с конца 1916 г. борьба за мир являлась главным фактором революционизирования армии.

Вместе с этим изучение солдатских писем дает богатый материал, свидетельствующий о том, что существенную роль в изменении настроений солдатских масс играли также общие условия внутривойсковой и экономической жизни страны.

С самого начала войны глубокое возмущение солдат вызывало унижение командирами их человеческого достоинства, грубое отношение к подчиненным, рукоприкладст-

⁴³ «Архів Радянської України», 1933, № 7-8, стр. 17—18.

⁴⁴ ЦГВИА, ф. 2067/с, 1917 г., д. 97, л. 375.

⁴⁵ Там же, ф. 2067, оп. I, д. 2937, л. 398 (Киевск. окр., 15.XI.—15.XII. 1916 г.).

⁴⁶ Там же, ф. 2067, 1916, 2937, л. 239об. (Одесск. окр., 15.XI.—15.XII.1916 г.). л. 155—156 (Киевск. окр., 1—15.XI.1916 г.).

⁴⁷ Там же, ф. 2067/с, 1917, д. 97, л. 142об. (Киевск. окр., 15.XII.1916 г.—15.I.1917 г.).

⁴⁸ ЦГВИА, ф. 2148, оп. II, д. 577, л. 1, 6, 17.

⁴⁹ «Красный архив», 1939, № 4-5, (65—66), стр. 147; ЦГВИА, ф. 2003, оп. I, д. 1486, л. 253об., 254.

⁵⁰ ЦГВИА, ф. 2003, оп. I, д. 1486, л. 227об. (Сводка отчетов военных цензоров армий и округов Юго-западного фронта за 20.X.1916 г.).

во офицеров, наконец, введение в 1915 г. наказаний солдат розгами. Организаторами коллективной борьбы против произвола офицеров выступали солдаты из рабочих. Так, например, солдаты находившихся в августе 1914 г. в Харькове запасных батальонов, составленных из рабочих Донбасса, узнав об инциденте в 29 батальоне, где офицер избил одного из нижних чинов, отказались в знак протеста повиноваться командирам. В ответ на запрос главнокомандующего Юго-западным фронтом по поводу происшедших событий харьковский губернатор писал: «Шахтовых рабочих за отправкой в действующую армию осталось немного, бывшие беспорядки принятыми мерами прекращены»⁵¹.

Солдаты с сочувствием относились к экономической и политической борьбе рабочего класса в тылу. Сообщения о правительственных репрессиях против рабочих встречались в армии с возмущением. В анонимном письме из Харькова от 5 августа 1915 г., подписанном «Старые солдаты», авторы его, обращаясь к «левым» депутатам IV Государственной думы с призывом возглавить руководство революцией, писали: «Ждать некогда, нет терпения, а то за расстрелом Костромы, Иванова-Вознесенска и Москвы с Петроградом последуют расстрелы и в других местах»⁵². В этом голосе солдат в защиту рабочих нашла яркое проявление солидарность крестьян с рабочими в общей борьбе против произвола самодержавия.

В 1916 г. жестокое обращение командного состава с подчиненными приводит солдат уже к таким формам протеста, которые по своему существу были направлены и против войны, например, к сдаче в плен⁵³. В одном анонимном письме за подписью «Русский солдат» автор его, побывавший в III, IV, VII, и IX армиях (две последние входили в состав Юго-западного фронта.— Ю. К.), обвинял многих военачальников в том, что они «зря губят народ под неприятельским огнем». Этот же автор писал, что «зверское обращение даже без вины, применение розг — все это вызывает недовольство нижних чинов против командующих»⁵⁴. Борьба солдат против их бесправного положения, против унижения их человеческого достоинства, против полицейских порядков, обострившаяся в связи с войной, в 1916 г. приобретает еще больший накал и размах. Однако приблизительно с конца 1915 г. она заслоняется более мощным потоком борьбы против продовольственной

разрухи, а с конца 1916 г. — уже всеобъемлющей борьбой за мир.

Немаловажную роль в революционизировании солдатских масс играло ухудшение экономического положения трудового крестьянства и рост дороговизны предметов первой необходимости, который особенно усиливается с конца 1915 г. Правда, в 1915 г. массового возмущения дороговизной в армии еще не было. «Дороговизна предметов первой необходимости,— говорилось в одном из цензорских отчетов конца 1915 г.,— по-прежнему волнует в армии очень многих военных чинов, которые, однако, утешают своих близких тем, что «дороговизна необходимый спутник войны», и что всем ныне приходится «терпеть такой случай»⁵⁵. Солдаты в это время выражали, как правило, лишь удивление тем, что «до сих пор власти не обуздали наших коммерсантов и «прочих акул», сильные аппетиты которых искусственно взвинчивают цены»⁵⁶.

В 1916 г. обеспокоенность солдат бедственным положением оставленных без кормильцев семей возрастает. В отчете цензоров XI армии, в качестве доказательства слабой эффективности борьбы «с недобросовестными торговцами в городах и селах», цензоры вынуждены были указывать на случаи посылки из армии на родину предметов первой необходимости: сахара, обуви и т. п.⁵⁷.

В 1916 г. на почве продовольственной разрухи и растущей дороговизны в стране возникают волнения женщин. В этой связи военные цензоры приводят следующие выдержки из писем солдат: «Мы теперь воюем с врагами и защищаем родину, а они нападают на баб несчастных, но ничего, мы раньше с немцами расправимся, а вернемся домой, так отплатим, кто вас там обижает»⁵⁸ и т. п.

Все возрастающая дороговизна на предметы первой необходимости увеличила волнения в тылу до таких размеров, что в письмах солдат эта тема начинает заслонять всё остальное⁵⁹. Продовольственные волнения в ряде городов (Москва, Киев), где солдаты в отдельных случаях так же, как это имело место в Петрограде, открыто поддерживали рабочих при столкновениях их с полицией, находят живой отклик в солдатских письмах. Так, например, в них сообщалось: «У нас много болтают о том, что во многих городах происходит, и особенно много говорят о Киеве». «В Москве война, позвали стражников, пользуемся слухом народным, наверное, правда. Хотели жен и детей пострелять, но солдаты отказались,

⁵¹ П. Г. Плугатырев. Харьковская организация РСДРП в годы первой мировой войны (1914—февраль 1917 гг.). Киев, 1950, стр. 198—199.

⁵² ЦГИАМ, ф. ДП, перлюстрация, 1915, д. 556, л. 1106.

⁵³ ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, 1916, д. 2932, л. 75об. (Киевск. окр., 20—30.I.1916 г.).

⁵⁴ ЦГИАМ, ф. ДП, перлюстрация, 1917 г., д. 614, л. 116 (письмо, относящееся к самому началу 1917 г., направлялось в газету «Русское слово» с просьбой опубликовать его).

⁵⁵ ЦГВИА, ф. 2067, 1916, оп. 1, д. 2932, л. 25 (Киевск. окр., 20—30.XI.1915 г.).

⁵⁶ Там же, л. 174 (Киевск. окр. 20—30.XII.1915 г.).

⁵⁷ Там же, д. 2934, л. 480об. (XI арм., 10—20.VII.1916 г.).

⁵⁸ Там же, л. 485об. (Киев. окр., 10—20.VII.1916 г.); л. 301 (Киев. окр., 1—10.VII.1916 г.); д. 2935, л. 28об. (Киев. окр., 20—30.VII.1916 г.).

⁵⁹ Там же, д. 2937, л. 376 (VII арм., 15.XI—15.XII.1916 г.).

привели жандармов и стражников, те начали, а солдаты их начали, вот какая война. Все из-за хлеба: кушать трудно достать». «Пусть помнят все эти акулы тыла, что армия все знает, что каждый солдат со злобой говорит о дороговизне в России... немудрено, если после войны будут погромы купеческие...»⁶⁰ Ранее в письмах солдат в связи с растущей дороговизной и происходившими на этой почве забастовками и «бабыми бунтами» встречались угрозы расправиться после окончания войны со спекулянтами и всеми теми, кто притеснял и обирал их родных в тылу. С осени 1916 г., наряду с подобными сообщениями, цензура стала обнаруживать в письмах солдат, в числе которых было и письмо за подписью «Люди окопов», адресованное в газету «Киевская мысль», призывы к немедленному революционным выступлениям. Цензурой были отмечены письма, в которых предсказывались «всякие события», «большие бунты» зимой, т. е. не после окончания войны, как об этом говорилось ранее, а в самое ближайшее время. В одном из писем, в связи с тяжелым продовольственным положением в Москве, недвусмысленно подчеркивалось: «Так весь народ озлоблен, что пожалуй, не выдержат до конца войны. Бунт будет большой»⁶¹. Виновниками все увеличивающейся дороговизны в большинстве солдатских писем назывались торговцы-кулаки, спекулянты, «сахарные подлецы короли», «барство» и, наконец, «власть имущие»⁶². Буржуазная печать всячески подчеркивала, что между положением крестьянства, которое якобы за время войны сильно обогатилось, и положением рабочего класса, страдающего от нехватки в городах продуктов и их дороговизны, существовала резкая разница, которая обуславливала и различие в настроении этих классов⁶³.

Однако фактическое положение вещей было иным. Обогатилось во время войны далеко не все крестьянство, а лишь его эксплуататорские верхи. В отчете цензоров Киевского округа за последнюю декаду сентября 1916 г. о тяжелом положении беднейшего крестьянства говорилось совершенно определенно: «Нижние чины недо-

умевают, вследствие каких причин в России, обильной хлебом, ощущается недостаток в нем? Болеют они душой, что семья их «дохнут с голоду», что в селах много воровства, что полицейские заодно с ворами, что казна, будто бы отбирая у бедного крестьянина последнюю лошадь и хлеб, платит за них слишком малую цену и т. п.»⁶⁴.

Письма солдат показывают, что крестьянская часть армии связывала прекращение войны с решением аграрного вопроса. В этой связи в рапорте одного из земских начальников Харьковской губернии от 12 апреля 1915 г. специально отмечалось, что в просмотренных письмах из действующей армии солдаты, жалуясь на переутомленность войной, высказывали убежденность в том, что после окончания войны вернувшиеся с фронта солдаты «отберут у панов всю землю»⁶⁵. Начиная с осени 1915 г., высказывания о неизбежности обострения классовой борьбы после окончания войны все чаще встречаются в солдатских письмах. В одном из них (ноябрь 1915 г.), говорилось, что «обязательно бунты будут в России», в другом автор писал: «как вернуться домой, не так загуляем, не будем ничего бояться, всех перебьем на пепел»⁶⁶. Недовольство все новыми мобилизациями с лета 1916 г. (период уборки урожая) подводит все большие массы крестьян к мысли о том, что война ведется руками бедняков в интересах богатеев. Так, в одном письме из IX армии в село Терновку Киевской губ. к А. П. Безверхой говорится: «...15-го числа будут брать еще ратников. Теперь самый приходит-таки час, что работника только подай, а они забирают последнюю подмогу бедного осиротелого люда... они там сложат свои головы в этой резне ненавистной, а ты дома нехай с голоду пухни. Зачем же оно так делается, зачем люди установили такой порядок, зачем так ненавистно жить, зачем нужно есть одному другому, зачем такое насилие, грабеж чужого... где же правда, где же справедливость. Ничуть не отзывается... Нужно добратсья до них (правительства.— Ю. К.) и тогда будет совсем иная жизнь и иной свет настанет»⁶⁷.

Начавшаяся в декабре 1916 г. хлебная реквизиция была встречена крестьянами крайне враждебно и вызвала открытое противодействие с их стороны. Причем очень часто в письмах из действующей армии авторы заявляли, что «если бы меня господь принес домой, то я бы не дал ни одного фунта хлеба...»⁶⁸.

⁶⁴ ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, 1916, д. 2935, л. 716об.; д. 2937, л. 398об.—399об. См. также ф. 2067/с, 1917, д. 97, л. 243—243об. (Киевск. окр., 15.I—15.II.1917 гг.).

⁶⁵ «Красный» архив», т. 3 (75), 1936, стр. 8.

⁶⁶ ЦГВИА, ф. 2067/с, д. 68, л. 292, XI.1915 г. (письмо унтер-офицера Гончарова в деревню Екатеринославской губернии); л. 216об. IX.1915 г. (письмо в одно из сел Херсонской губернии).

⁶⁷ Там же, ф. 2067, оп. 1, 1916, д. 2935, л. 465 (IX арм., 20—30.VIII.1916 г.).

⁶⁸ Там же, ф. 2067/с, 1917, д. 97, л. 243—243об. (Киевск. окр., 15.I—15.II.1917 г.); л. 269 (VII арм., 15.I—15.II.1917 г.).

⁶⁰ ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, 1916, д. 2937, л. 484об.—486 (Отчет по области Австро-Венгрии, занятой по праву войны, Киевск. и Одесск. округам с 15.XI по 15.XII.1916 г.). См. также ф. 2067, оп. 1, 1916, д. 2537, л. 398об.—399 (Киев. окр., 15.XI—15.XII.1916 г.).

⁶¹ Там же, д. 2935, л. 692 (XI арм. 20—30.IX.1916 г.); л. 587об. (Киевск. окр., 10—20—IX.1916 г.); л. 612об. (VIII арм., 10—20.IX.1916 г.).

⁶² Там же, д. 2935, л. 268об. (Киевск. окр., 10—20.VIII.1916 г.); л. 162 (XI арм., 1—10.VIII.1916 г.); л. 372об. (VIII арм., 20—30.VIII.1916 г.), а также д. 2934, л. 480об., л. 185об. (VII арм., 10—20.VII.1916 г.).

⁶³ «Красный архив», № 4 (17), 1926, стр. 20. Политическое положение России накануне Февральской революции в жандармском освещении.

Резкое ухудшение экономического положения трудящихся масс в конце 1916 г., с одной стороны, и попытки правительства предотвратить нарастание революционной борьбы увеличением в конце 1916 г. штата полиции, с другой,— наводит наиболее сознательную часть армии в конце 1916 г. на мысль о том, что в тылу можно будет добиться каких-либо улучшений лишь в том случае, если солдаты вернутся домой с оружием в руках⁶⁹.

В то же самое время работа Думы, обсуждавшей в 1916 г. такой близкий солдатам вопрос, как наделение крестьян равными правами с другими сословиями, не привлекает сколько-нибудь значительного внимания солдат. «Из обзора сводок получается впечатление, что все цензоры усиленно искали у корреспондентов хоть какой-либо интерес к занятиям Государственной Думы хотя бы в виду недавнего рассмотрения таких кардинальных вопросов, как равноправие крестьян, но не удалось отметить положительно ничего»⁷⁰. Потеря интереса к Думе со стороны солдатских масс, свидетельствовала об определенном сближении настроений крестьянских масс с революционными настроениями рабочих, возлагавших надежды не на Думу, а на свою собственную борьбу.

* * *

Изучение солдатских писем позволяет сделать вывод, что они содержат многообразные данные о настроениях солдатских масс. Анализ и сопоставление писем, отправленных в разное время свидетельствует о конкретном ходе революционизирования солдатских масс. «Письма,— отмечал А. И. Герцен,— больше, чем воспоминанья; на них запеклась кровь событий, это — само прошедшее как оно было, задержанное и нетленное»⁷¹. Упрочение союза крестьян с рабочим классом происходило в годы войны на почве усиления недовольства и борьбы против полицейского режима, продовольственной разрухи в стране и войны. Несмотря на то, что правящим кругам и буржуазии удалось в начале войны одурачить своей пропагандой миллионы крестьян, уже в 1915 г. под воздействием ухудшения экономического положения, а также большевистской агитации шовинистический угар начинает рассеиваться. В 1915 г., наряду со скрытыми и пассивными формами борьбы против войны (уклонение от службы, уход в плен, дезертирство), получают все большее распространение и такие формы борьбы, как братание солдат, уход с позиции во время артподготовки наступ-

ления. К осени 1916 г. уже создается резкий перелом в отношении солдат к войне. Настроения в пользу мира становятся всеобъемлющими (с окончанием войны связывалось и «награждение» солдат земель за понесенные в войне жертвы, и прекращение разорения оставленных без кормильцев хозяйств, и возвращение домой мужской рабочей силы, и получение крестьянами равных прав с другими сословиями, и т. п.).

Стремление к миру рабочих и крестьян (в том числе и одетых в солдатские шинели) создает такую широкую основу для упрочения союза рабочего класса и крестьянства, какой ранее никогда не было. Изучение писем солдат показывает, как поиски выхода из войны приводят осенью 1916 г. сознательную часть армии к убеждению — вначале о необходимости для окончания войны побросать оружие, а потом и к мысли о том, что выход из войны может быть только в совместной борьбе солдат с рабочими.

Отказ солдат идти в наступление и подчиняться командованию в период подъема революционного стачечного движения, переход передовой части солдат на сторону рабочих при подавлении народных волнений, открытое возмущение трудящихся масс в тылу и солдат на фронте продовольственной разрухой и полицейским режимом — все это указывает на определенную взаимосвязь всех этих форм классовой борьбы и знаменует упрочение союза рабочего класса и крестьянства на базе как развертывания классовой борьбы виришь, так и перехода к более высоким и острым ее формам.

Закономерным результатом того, что в годы первой мировой войны упрочился союз рабочего класса и крестьянства явилось организационное оформление этого союза в Февральской революции 1917 г., когда оно наиболее ярко проявилось в повсеместных общих выступлениях рабочих и солдат, а также в совместных конференциях, представительства в одних общественных организациях и, наконец, в создании Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

В письмах солдат отразилась реакция армии на такие явления внутренней жизни страны как рабочее движение, репрессии властей в отношении рабочего класса, ухудшение положения крестьянства, мобилизации, реквизиции, работа Государственной думы и др.

Характер самой корреспонденции (указание точного тылового адреса) позволяет исследователям по ответам солдат на сообщения родных из тыла получить и интересные данные о настроениях крестьян различных районов страны и восполнить те крайне незначительные, преимущественно полицейские, данные, которыми мы располагаем по этому вопросу.

⁶⁹ ЦГВИА, ф. 2067, оп. 1, 1916, д. 2937, л. 260 (Одесск. окр., XII.1916 г.).

⁷⁰ Там же, д. 2934, л. 154об., (VII арм., 20—30.VI.1916 г.).

⁷¹ А. И. Герцен, ПСС, т. XII, стр. 306.

